

Этот рассказ родился после спора с одной дамой — восторженной любительницей загородного отдыха на даче. Как представлю её «фазенду»: с одной стороны полустоячая заводь залива, с другой — захлопнутые наглухо ворота; с третьей — забор соседа, с которым не хочется общаться. Да и без волкодавов во дворе неуютно: ходит мимо кто ни попадя. Оттуда — музыка, отсюда — строительный шум или звуки авто. Вот и приходится топтаться как в загоне, хоть и с видом на природу. Впрочем, согласен: загород, свежий воздух, смена обстановки — это, безусловно, отдушина.

А теперь про мою отдушину, ведь я сливаюсь с природой в полном смысле слова. И рад, что оказался в Кольцово под Новосибирском, где освоено и заселено всё вокруг намного меньше, чем, например, в Татарстане, откуда я родом. Да и ехать далеко не надо: часа полтора-два от порога дома на велосипеде — и я в гостях в волшебном царстве Берендея! Даже не верится, что всего в тридцати километрах огромный полуторамиллионный мегаполис.

Укрыться от непогоды, заночевать можно в небольших лесных заимках-избушках с печками. Стоят они на речках и ручьях — на Волчихе, Коёне, Каменушке, Ромихе, Барышихе, но найти их, не знаячи, трудно. Пакостить вокруг совесть не позволяет. Мы проредили редколиственный кустарник, вырезали сухостой, убрали валежник, посадили ёлочки, построили мостки.

Многие речки запружены обильно расплодившимися в последнее время бобрами. Перед плотиной зелёная заводь, сточенные под карандаш деревья, норы-сифоны под берегом. На косогорах во множестве тарбаганьи норы, и, если потихоньку подкрасться, видно, как эти забавные толстячки играют и заботливо вылизывают друг друга. Не раз сталкивался с косулями, барсуками, лосями. Лисичка одно лето к костру подкрадывалась, наблюдала за нами: видимо, молоденькая, любопытная. Благодаря рыжей «разведчице», безымянный приток Волчихи, из зарослей которого она нас разглядывала, получил название «Лисиха». А уж как бурундуки в салочки круговерть заведут — разве что не через ноги перепрыгивают, наглецы!

Про симфонию птичьих голосов весной и в начале лета не упомянуть нельзя. А ближе к осени с сумерками приходит тишина. Гробовая, звенящая... Такая, что самому перестать дышать хочется. И давящий звёздный небосвод только усиливает эту феерию безмолвия. Лишь дерево где-то ухнет о землю, завершив свой жизненный цикл, да шорохи и вскрики ночных обитателей леса с пощёлкиванием костерка не дают забыться в полном уединении.

Вечерами после многокилометровых марш-бросков начинается чайный «лит-рбол» — чайник на брата отлетает незаметно! И какого чая! Заварка не нужна: душаца,

зверобой, смородиновый лист, лабазник... Можно чаги добавить, можно бадана, осе-
нью — ягоды шиповника и калины. Цвет и запах — аж дух захватывает! С дымком!
А как пахнет внутри разогретого на солнышке сруба, какой там крепкий сон!

Поутру всё не можешь решить, куда смотреться — в верховья Коена или по Каза-
чей гриве. А может на гору Лысую? Или на Каменку? Желаеть всюду и враз. Ну,
здоровьем пынешь — само собой разумеется! Вёрст 50–60 в день на велике — в лёг-
кую! Нашёл способ форсированной установки на позитив: когда работаешь в гору
с наибольшей нагрузкой, в такт дыханию повторяешь про себя: «Радость! Радость!
Радость!» Иногда даже жаль, что закончился подъём, зато вниз — аж в ушах свистит!
После таких внушений жажда физических нагрузок, поверьте, — почти наркотическая.

Между прочим, здорово помогают соблюдать необходимую для поддержания по-
стоянной скорости частоту дыхания кукушки. Я заметил: в любое время, в любом
месте интервал между «ку-ку» всегда один и тот же.

- Ку-ку! — отмеряет нужный такт серокрылый «метроном», далеко слышать.
- Фух! — шумно выдыхаю я.
- Ку-ку!
- Фух!

Научился управлять великом виртуозно! Долгими зимними месяцами я часто на-
вещаю в кладовой своего железного «конька» и, закрыв глаза и глубоко вздохнув,
мечтательно беру в руки руль тонкоспицевого друга. Скорей бы сезон! Скорей!

Когда летишь вниз, хочется превратиться в одно большое лёгкое — запах трав
и цветов, особенно в разогретых солнцем распадках, нереально медовый, одуряю-
щий! Парад ароматов начинает черёмуха, наполняя всё вокруг самым весенним за-
пахом в природе. Потом приходит черёд борщевика и донника. А на крутом, обра-
щённом к солнышку, косогоре пахнет так, будто каждый июль там переворачивается
цистерна с клубничным вареньем! Быстротечное сибирское лето как тисками сжи-
мает время буйства природы, укорачивая вегетативный период жизни всего живого,
поэтому порой возникает ощущение, что цветёт, благоухает и созревает всё почти
одновременно. В том числе, летающее, стрекочущее и опыляющее.

Как приятно припасть в изнеможении к роднику, лесному ручейку, ломящему хо-
лодом зубы в любое время года! А развесив для просушки мокрую от пота футболку,
с умилением наблюдать, как цветастые быстрокрылые бабочки налетают на неё, жад-
но высасывая соль тоненькими хоботками. Иногда даже просишь их поторопиться
с «трапезой», подгоняя лёгким прикосновением: всё, «девчонки», хорошего понем-
ножку, мне пора дальше!

К слову, и в биологию-то я, в своё время, пошёл благодаря детскому увлечению
энтомологией. Удивительное дело: среди этого раздолья мне мгновенно воспомина-
ются и русские, и латинские названия животных и растений, хотя со времён студен-
ческих полевых практик на биостанциях Казанского университета прошло уже не-
сколько десятилетий...

«Ага, заливай-заливай!» — может, скажет кто-то. А клещи? А гнус? А жара? А за-
стящий глаза пот? А заморозки, схватывающие под утро траву лёгким белёсым инеем,
бывает, даже летом? Что ж, ваша правда, ведь недаром поётся: «Холод, дождь, мош-
кара, жара — не такой уж пустяк!» Но следующие, ставшие афоризмом строки этой
песни перевешивают всё: «И чтоб устать от усталости, а не от собственной старости...»

А когда пробьёт первой желтизной лысеющие день ото дня лесистые косогоры,
приходит грибная пора! М-м-м, какие богатые «клондайки» я знаю! И лисятни-
ки, и опятники, и груздённики... Иногда даже интерес теряется — сидишь, режешь-
режешь грибочки, как на плантации. Одна проблема — вывезти на себе урожай. Нет,

ещё одна: жена часто домой не пускает с обильным грибным «уловом». Опять, мол, грибной «маньяк» натащил, обрабатывать надо! И музыкой мне звучит её приветливое ворчанье!

Конечно, вокруг родной уютной Кольцовочки со всех сторон лес, и полное ведёрко грибов я раньше собирал, держа в поле зрения свою девятиэтажку. Но население нашего наукограда неуклонно растёт, и всё чаще натыкаешься на самое противное зрелище для нашего брата, грибника — пеньки от ножек свежесрезанных грибов! Поэтому, чтобы полностью отдаться грибной «охоте», надо всё же отъехать подальше.

Начинается сезон в конце апреля, если снежное покрывало не залежится дольше обычного. Правда, «шлёпать» первое время приходится пешим порядком, ибо земля, дурманящая запахом непросохшей влаги, ещё совсем скользкая. Зато гнуса вообще нет, лишь не забывай осматривать одежду — не ползёт ли оголодавший за зимнюю спячку клещ. Обычно я убываю из дома под конец дня в пятницу, возвращаясь вечером в воскресенье. И этого вполне хватает для глобального, всеобъемлющего восстановления сил и настроения перед грядущей трудовой неделей.

Завершение сезона, прерываемого лишь затяжными осенними дождями, происходит только в ноябре, когда «ставить точку» отправляешься пешочком по неглубокому сахарно-белому снежку.

А что же зимой? Раньше, когда сам был помоложе, а народ не такой «закабаневший», мне удавалось собирать команду из, минимум, трёх тропарей. Потому сезон переходил в лыжный. К сожалению, сегодня в одиночку или даже вдвоём протропить по снежной целине до избушки за короткий световой день редко удаётся — успеть бы до темноты вернуться домой. А больше почти никто и не ходит...

С темнотой в лесу зимой шутить, понятное дело, не стоит. Случилась у нас одна поучительная история. Однажды заядлый турист-фанатик Саша Бороздин в сумерках кинулся за нами в погоню. Он узнал, что мы с другом и сыновьями двинули на Волчиху в старую, ныне развалившуюся от времени, избушку, которую сам же нам когда-то показал. Больно компания наша Сане нравилась, да и конец трудовой недели настал. Уж он-то ни капельки не сомневался, что найдёт займку в любое время суток с завязанными глазами! Но не нашёл: разыгралась метель, и лыжню занесло. Шёл вроде бы правильно, но в сгустившейся темноте места не узнал, порыскав взад-вперёд. Отчаявшись нас найти, решил переночевать в сугробе, как куропатка. Турист-горемыка вырыл яму, накрылся с головой пуховиком и сунул ноги в рюкзак — ни спичек, ни котелка, ни топорика он с собой не захватил, самонадеянно сорвавшись в погоню за нами налегке. Копаю, рассказывал Саня позже, и думаю — чем не могилка?

Самое обидное, наш мытарь слышал стук топора, показавшийся ему в тот момент почти миражом (мы выходили среди ночи подколоть дровишек для печи). Однако направление источника звука в метель не угадывалось даже приблизительно. Саня, преисполнившись было надежд «на спасение», выскочил из сугроба, и, истошно закричав, осатанело заметался между стволами. Однако порывы не утихавшего ни на секунду ветра проглотили этот «писк», лишь немые деревья, футбола друг другу остатки слабого эха, сочувственно качали кронами... Честное слово, мы не слышали ни-че-го! Пришлось ему, сокрушённо вздохнув, вернуться в свою белоснежную норку.

Забывшись на какое-то время, и, испугано вздрогнув от пробуждения, Саня начинал лихорадочно ощупывать себя — нет, пока ещё жив! «Норка» не стала могилкой! И так всю ночь — закемарил, очнулся, ощупался; закемарил, очнулся, ощупался. Вроде живой.

С первыми лучами солнца наш «отморозок» негнущимися пальцами пристегнул крепления лыж и обречённо двинул по направлению к Кольцову, чуть не плача от

осознания факта необходимости изнурительной тропёжки — лыжню занесло напрочь. От мысли продолжать поиски избушки он отказался. Домой, скорее домой, пока не угасли последние силы! Слава богу, метель прекратилась, но приморозило.

А мы выпались в тепле, позавтракали и не спеша тоже тронулись восвояси. Вскоре нас ожидало немалое удивление: чьи-то лыжные следы! Но, граждане хорошие, здесь кроме нас никого не могло быть — до избушки накануне вечером мы добрались уже почти в темноте! Да и с утра придти неоткуда — до ближайшего жилья ой, как не близко! Однако обширная площадь снежной целины, хаотично исполосованная чьими-то лыжами, нам миражом не показалась. В голову полезли мысли, навеянные туристскими легендами о Чёрном Альпинисте, на которого мы в горных походах всегда списывали мелкие казусы и необъяснимые пропажи кое-какого барахла. Надо же, и тут, чертяка, нас достал, совсем рядом с нашей избушкой ошивался!

Чуть позже выяснилось, что Чёрный Альпинист тоже проживает в Кольцове: лыжня определённо вела в нужном направлении. Мы не устали благодарить мифическое существо за первый протроп, ведь по нему шло намного веселее. И вот впереди замаячила фигурка уже вполне реального живого существа. Мы добавили ходу, жаждая быть первыми в мире туристами, которым, наконец-то, удастся познакомиться с легендарным Чёрным Альпинистом вживую. Чёрный Альпинист, как вы сами догадываетесь, к тому моменту уже с огромным трудом переставлял свои одеревеневшие ноги — в нём мы не сразу признали родного Бороздина. Повиснув на лыжных палках и тяжело, с хрипотцой, дыша, он окинул нас отсутствующим взглядом: сил не осталось даже на эмоции. Однако горячий чаёк из термоса и бутерброд с запашистым копчёным салом немножко вернули Саню к жизни. Заправившись чуток, он уже по нашей лыжне пошёл намного бодрее.

М-да, урок был получен на всю жизнь. С тех пор палатка, спальник, котелок и топор (про спички не упоминаю), стали постоянными атрибутами даже самого коротенького зимнего похода.

Однако вернусь к описанию и философскому осмыслению своего любимого хобби — достижения абсолютной нирваны путём полного слияния с природой. Справедливости ради отмечу, что, основательно отдохнув подобным образом, возвращаться к цивилизации совсем не в тягость, как можно было бы ошибочно предположить, ведь человек я всё же городской. Даже радуешься её благам: желанная ванна, телевизор, чистая постель... Всю прелесть достижений цивилизации особо остро можно прочувствовать лишь на резком контрасте, а не в замене одних декораций цивилизации другими, дачными, пусть внешне и напоминающими природу.

Теперь пришла пора познакомиться с нашим избушечным «бомондом». К тотальному одиночеству я не стремлюсь, иногда даже устаю от чересчур звенящей тишины, мечтая, чтоб хоть кого-нибудь занесло «на огонёк». Кстати, сотовый в тех местах не ловит. И слава богу.

О-о! Какая интересная публика порой подтягивается! Люди, которых неудержимо тянет сюда, интеллигентны внутренне, хотя внешне могут выглядеть грубовато и сурово. Недаром поётся: «они в городах не блещут манерой аристократа». Энергетика дикой природы и наша лесная философия ровняют всех, вне зависимости от образовательного или социального уровня. Каждый интересен по-своему, каждому есть, о чём поведать миру.

Это и бывший охотник Влад из Академгородка, неразлучный со своей верной «лесной» подружкой Таней, и Андрей, по прозвищу «Большое Дуло», каждый раз удивляющий нас очередным прибабасом — то прибором ночного видения, то «суперским» таёжным «прикидом». И строитель избушки на Волчихе хлебосольный Илья, страстный

коллекционер самоваров. И потомственный интеллигент Михаил, для которого перейти на «ты» даже после брудершафта — проблема. И Саня Лабенский — порой он так витиевато ведёт линию мысли, излагаемой почти толстовскими предложениями, что иногда забывает, с чего начал. И никогда не унывающий Василий, славящийся своими авантюрными одиночными велосипедными вояжами, практически без снаряжения. Он любит забираться в такую глухомань, что иногда, внимая его рассказам, просто диву даёшься, как ему, экстремалу до мозга костей, удалось выжить.

Не забуду один случай. Стояла середина жаркого влажного июля — поры массового выплода оводов и слепней. Укрывшись в избушке на Волчихе, я судорожно залил в себя литра два живительной прохлады из Лисихи и блаженствовал, отдыхая от бесконечных атак свирепствующих кровососов. От этого исчадия ада я в пути спасался, плотно задраившись в форменный лесной костюм «Егерь» с накомарной сеткой, а потому был обезвожен и обессилен. Но вот на пригорочке появился улыбающийся Василий «Конюхов» с велосипедом в одних плавках, в плотном окружении роя мелких вампиров. У меня чуть глаз «не выпал»: кровь в местах укусов стекала тоненькими струйками, запекаясь на солнышке. Василий поставил велик и, поприветствовав меня, не спеша лёг на стремнину всегда холоднущей Волчихи, перевернувшись пару раз с живота на спину. Освежившись, он троекратно осенил себя крестным знаменем: «Красота!» Почувствовав моё искреннее изумление, многозначительно изрёк: «Ну, покусали, и что? То ж твари Божьи!» Как оказалось, наш фанат-экстремал таким образом готовился к путешествию на знаменитые Васюганские болота, что на севере области.

И другие наши «единоверцы», обо всех не расскажешь — их нужно видеть и слышать! Уникумы, одно слово!

С началом охотничьего сезона количество «оруженосцев» заметно возрастает, я не стал бы их всех хохом причислять к охотникам: некоторые умеют только палить. Но и настоящих охотников тоже хватает — всё же угадывать их я научился безошибочно. Мне не раз перепало от их промысла: то похлёбка и бифштекс из зайчатины под обстоятельный рассказ про особенности охоты на длинноухого. То ароматный супчик из тетерева, то рябчики, запечённые на углях в фольге, с грибным рагу и салатом из молодого папоротника и свежих листьев крапивы. Даже свежесоленный хариус, только-только выловленный из Коёна. И всё под ароматный чаек! Ну и, если у кого было, под что-нибудь покрепче. На свежем-то воздухе, у костра! М-м-м, наслаждение! И как без знаменитых, самых что ни на есть «правдоподобных» рыболовно-охотничьих баек в такие моменты? Уж наслаждался-я-я! Вволю!

Вы вероятно спросите: чего сам-то не охотишься? Не могу, люди, стрелять в живое и всё тут! Стрелков и без меня хватает, причём самых разных. Не стану осуждать охотников, но мне всегда тоскливо лицезреть испачканную кровью лесную красоту: ещё совсем недавно она наполняла своей жизнью лес, и вот — жалкая и бездыханная, с остекленевшими глазами валяется на траве. Кстати, Влад тоже, со временем, охладел к охоте — мол, надоело живность жизни лишать! Видимо, с возрастом к некоторым приходит «насыщение кровью». Словом, Природе-матушке будет лучше без моей стрельбы, и, надеюсь, она не устанет благодарить меня за это...

